

ЗНАЧЕНИЕ ЭТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ УСПЕШНОЙ ИНТЕГРАТИВНОЙ МОДЕЛИ ДЖАЗ-БЭНДА «MOONBERRY JAM»*

Александр Водинский,

ведущий специалист, психолог Центра лечебной педагогики «Особое детство»,
руководитель джаз-бэнда «Moonberry Jam» (г. Москва)

Здравствуй!

Начну с того, что я очень благодарен организаторам конференции за приглашение: это активизировало мои силы, я поднял архивы, и сегодня попробую рассказать о нашем опыте, а именно о том, как этика и определенный подход к проблемам помогли нам построить успешную интегративную модель в нашем джаз-бэнде «Moonberry Jam».

Расскажу немного о том, как мы возникли и развивались. В конце 2014 года специалисты Центра лечебной педагогики (далее ЦЛП) основали экспериментальный проект — музыкальный коллектив, в котором могли бы вместе играть музыку сотрудники и выпускники центра. В первый год работы проекта были основательно проанализированы его цели, а также было исследовано, каким образом должна быть построена работа группы для их достижения. Главным открытием стала простая идея: интеграция не может быть в данном проекте целью, но только средством. Цель — быть музыкальной группой в развитии. И для достижения этой цели необходимо создавать психолого-педагогическими средствами специальные условия. Эта простая идея стала основой интегративной модели и определила этапы взаимодействия как

внутри группы, так и с социумом. Спустя год, в ноябре 2015 года джаз-бэнд ЦЛП дал свой первый концерт в посольстве Франции. До лета 2016 года группа выступила еще семь раз — на последних двух концертах того сезона уже под названием Moonberry Jam.

Название Moonberry Jam — результат мозгового штурма, в котором приняли участие все музыканты группы (он продолжался более 6 часов!). В декабре 2016 года Moonberry Jam опубликовал на своем YouTube канале первый клип — а сейчас** там уже более 20 музыкальных видео, три трансляции, четыре клипа, 245 подписчиков и более 14000 просмотров. Последний клип снимался и записывался в новом здании ЦЛП «Особое детство» в Коньково, где осенью 2018 года музыканты Moonberry Jam обустроили студию, сделав простой ремонт и звукоизоляцию для музыкальной работы.

Moonberry Jam проводит две общие репетиции в неделю, а также индивидуальные репетиции. Каждый музыкант представляет свой инструмент для звучания джаз-бэнда — среди них как инструменты ритм-секции (ударные, перкуссия, бас), так и духовые и гармонические инструменты (гитары, укулеле и клавиши). В феврале 2020 года Moonberry Jam

* Выступление на конференции «Этика взаимодействия с человеком с ментальными особенностями и его близкими. Роль НКО в организации поддержки и сопровождения: проблемы и пути решения» (Москва, июнь 2021 г.).

** Июнь 2021 года.

впервые выступил в клубе Алексея Козлова, одном из лучших мировых джазовых клубов. Когда ансамбль покинула солистка, его работа была полностью перестроена: он начал функционировать как аккомпанирующий джаз-бэнд для подготовки совместных программ с приглашенными солистами — профессиональными джазовыми музыкантами.

Теперь, когда вы немножко познакомились с сущностью ансамбля и его историей, я хочу перейти к разговору об этических проблемах нашей работы и о концепции в целом. Речь пойдет о самых кризисных и болевых точках, с которыми мы сталкивались в ходе развития нашего проекта и в которых наибольшее значение имеет обоснованность этического подхода.

Что лежит в основе интеграции? Осмысление опыта Moonberry Jam

Такая странная, на первый взгляд, метафорическая формулировка: змея, которая съедает сама себя. Поясню. Если мы в таком проекте начинаем говорить, что интеграция — наша цель, то это начинает разрушать интеграцию и, с нашей точки зрения, вредит людям с особенностями развития. Мы пришли к пониманию, что в нашем случае самая значимая опора, которую мы дали нашим особым участникам, у которых есть музыкальный потенциал, — это отношения со значимыми взрослыми в коллективе. Так получилось, что в джаз-бэнд пришли специалисты нашего центра, которые имеют многолетний опыт взаимодействия с детьми и подростками с особенностями развития. Не секрет, что если человек приходит в ЦЛП, то он проходит большой путь инкорпорирования. Формируется определенный фокус внимания к таким вещам, как эмоциональный контакт, акцент внимания на выборе самостоятельности. Говоря словами более научными: как во взаимодействии с ребенком создавать зону его ближайшего развития? Это важные этические моменты, и тут нам повезло, потому что ансамбль создавали педагоги, которые на тот момент уже десять лет проработали в ЦЛП, и дети наших педагогов, которые тоже с детства в этом. И это нам очень помогло.

Как взаимосвязаны PR и интеграция в случае Moonberry Jam?

Понятно, что журналисты часто хотят (из самих благих побуждений) рассказывать, например, о том, как инвалиды преодолевают себя, или делать акцент «смотрите, какие они!». Как будто на сцену должна выйти женщина на восьмом месяце беременности, и это предваряют таким конферансом: «Знаете, сейчас для вас сыграет беременная женщина, у нее гормоны играют, она может как-то себя неадекватно вести, может даже расплакаться, поприветствуйте ее». С нашей точки зрения, эта ситуация принципиально отличается от той, когда вы говорите: «Сейчас такой-то человек выйдет и сыграет для вас то-то». Если у артистки большой живот — это, конечно, все заметят! Но суть-то не в этом.

Почему это плохо? Потому что это создает определенный фокус внимания, который, с нашей точки зрения, в корне неверен. В работе с детьми мы часто сталкиваемся с такой ситуацией: идет родительская консультация, и мама начинает при ребенке о нем и о его проблемах рассказывать в третьем лице. Мы видим, как негативно это влияет на эмоциональный контакт: ребенок закрывается, он испытывает дискомфорт. К тому же мы понимаем, как живут семьи с особыми детьми: чтобы обеспечить достойную жизнь своим детям, родителям порой приходится идти на какие-то компромиссы, прибегая к помощи пиара. Это на самом деле очень болезненная область, где все мы много раз сталкивались с разного рода непониманием.

Пример: для нас снимают клип, мы проговорили всю нашу этику. Когда клип выходит, мы видим всех участников, которые играют свои партии, крупным планом, а одного человека не показывают, хотя снимали всех. Спрашиваем: как же так? Нам отвечают: «Ну вот так. Вы же не хотели “слезу давить”? Значит, мы не будем показывать этого человека крупным планом, потому что если мы покажем (а у него есть некоторые очевидные, скажем так, особенности), то это сразу будет восприниматься как то, что вы... попрошайничаете».

И такие расхождения, недопонимания, несостыковки происходят периодически. Мы же всё время возвращаемся к метафоре,

о которой я сказал выше, и к той простой идее, которая очень тяжело пробивается и принимается: что мы используем компетенции наших педагогов, чтобы обеспечить внутренний процесс, благодаря которому люди, пришедшие к нам, просто имеют желание играть в ансамбле и могут в нем играть.

И критерии здесь очень тонкие. Мы (как педсовет, например) располагаем некой конфиденциальной информацией, которую необходимо учитывать при решении проблем музыкальной группы в целом. Иногда, к примеру, приходит в ансамбль человек, который прекрасно играет Баха, знает теорию музыки, грамотнее, например, меня в сто раз. Но ему не нужно играть в ансамбле, у него нет такого желания, он не может ни с кем взаимодействовать, он не способен выполнять задачу, которую ставит ему художественный руководитель. И дело тут не в музыкальном уровне и не в IQ. Просто он не подходит для такого формата взаимодействия, ему нужно что-то иное.

Завершая разговор про взаимосвязь пиара нашего ансамбля и интеграции внутри него, я бы сказал так. Понятно, что для оплаты психолого-педагогической работы наших педагогов нужны деньги — следовательно, группу нужно как-то пиарить — при этом никому не было особо понятно, как это делать. Многие нас обвиняли в том, что мы себя бьем пяткой в грудь и говорим «мы нормальные» (хотя это совсем не наша тема — мы не это говорим). В общем, это было и остается точкой постоянного напряжения. Но есть и некоторый прогресс — например, недавно вышел прекрасный репортаж о нас на портале «Нужна помощь». Приехала замечательная журналистка, взяла у всех хорошие интервью без всяких перегибов. В этическом плане я ждал подобного материала семь лет — и вот это произошло! Очень рекомендую почитать: <https://nuzhnapomosh.ru/blog/post/my-ne-zanimaem-sya-osobym-iskusstvom/>.

В каких направлениях ведется работа в Moonberry Jam?

Во-первых, это работа с эмоционально-волевой, мотивационно-волевой сферой: постоянный анализ ситуации, анализ того, что

происходит с тем или иным человеком, где нужно надавить, где нужно уступить — чтобы поддерживать уровень зоны ближайшего развития, допустимого стресса, необходимого для развития, т.к. из комфорта ничего не происходит хорошего.

Другое направление работы — это организация внимания и всякие средства дополнительных коммуникаций, мы это активно очень используем.

Есть также необходимость своего рода социальной работы. Мы сталкивались с разными ситуациями, например: после концерта в клубе человек подходит и берет еду с чужих столов — у него просто нет понимания, что так не принято. Мы используем модели каких-то социальных историй, но всё очень индивидуально. При этом мы считаем, что камин-аут нельзя совершать за другого человека (например, родителям за ребенка, по крайней мере взрослого). Если кто-то из участников сам хочет рассказывать о том, какие у него есть проблемы, — он это делает. Бывают очень некрасивые ситуации: некоторые наши участники довольно известны в нашей сфере, про них пишут всякое разное, и это всё вызывает у нас большие вопросы. И это создает определенную трудность в том, чтобы делиться нашим опытом: мы в первую очередь артисты, мы не можем рассказывать о том, какие проблемы у нас происходят, потому что всё легко вычисляется. И это не очень хорошо (хотя, возможно, могло бы быть полезно). И мы решили, что можем попробовать сделать упор именно на разговор об этике, о том, что лежит в ее основе. И что это может помочь кому-то. Что если вы хотите сделать художественную мастерскую, где могли бы работать разные люди, вы должны пригласить таких людей, которые будут хотеть эту художественную мастерскую развивать. Если вы наберете людей, которые будут только сопровождать особых участников, — это превратится в детский сад. Через это дидактическое отношение та инфантильность, которая заложена в особых людях, будет поддерживаться — и ничего хорошего из этого не будет происходить.

Еще у нас есть такой формат, как коммуникативный час. Из чего мы исходили? Например, обычные люди — они встречаются, общаются, у них перекур, кофе и так далее;

а что у нас? Мы почувствовали потребность в таком свободном формате, и теперь он у нас есть. Ребята приезжают кто с работы, кто с учебы, мы все собираемся в маленькой столовой в нашей репетиционной, пьем чай. Но кроме этого, есть также необходимость в неком, скажем так, структурированном коммуникативном часе. Это важно для понижения уровня тревоги особых участников, вообще для организации и планирования. Длительность этого «часа» варьируется от 30 до 60 минут; он организован не как психотерапевтическая работа — скорее это поддерживающая среда, в которой мы используем разные опоры и средства. Нам важно, чтобы каждый человек — вне зависимости от того, есть у него звучащая речь или нет, и какие еще есть особенности, — чтобы каждый мог высказаться по какой-то теме или просто рассказать, что у него в жизни происходит. Это может быть, например, обсуждение того, как прошел концерт — а может быть свободная ситуация, разговор на любую тему.

Обучает ли Moonberry Jam музыке?

Конечно, за время существования ансамбля развитие произошло колоссальное (это даже не погруженные в музыку люди могут заметить) — и по темпу, и по инструментам, по сложности ритмических партий и так далее. Но мы — не музыкальная школа для особых ребят: мы — джаз-бэнд, в котором, образно говоря, каждый себя тянет за волосы. Сам я всё время беру уроки музыки, развиваюсь и прошел очень большой путь за эти семь лет. Когда к нам приходит человек и говорит: «Хочу играть! Очень люблю, но ничего не умею» — то мы говорим в ответ: «Давай попробуем. Вот такая задача, такой ритм». Он начинает — мы поддерживаем. Для людей с особенностями очень важна интенсивность поддержки, потому что всё быстро забывается. У нас есть сетка индивидуальных репетиций плюс основные репетиции, они длятся минимум два часа, иногда дольше, и еще есть дополнительные генеральные репетиции. Мы работаем интенсивно, как вы уже заметили. И, конечно, идет настоящее обучение: мы смотрим, в чем проблема, почему не получается, ищем какие-то пути, у нас

есть специалисты по группам инструментов, которые курируют все эти задачи. Ну а за общее звучание отвечаю я как художественный руководитель.

Является ли Moonberry Jam представителем особого искусства?

Здесь могут быть разные точки зрения. Лично я особое искусство не люблю и совершенно не понимаю, какой в нем смысл. Паралимпийские игры — это понятно: есть соревнование, и нужно уравнивать участников, сделав некую особую линию, иначе как смогут соревноваться человек с ногами и человек без ног? Мы же репетируем как обычный джаз-бэнд. Мы не подстраиваем систему под себя, не говорим: «Вот у нас такой джаз», — мы учимся играть джазовые стандарты, стараемся следовать довольно четким правилам этого жанра. С одной стороны, это тяжело, — с другой стороны, это дает нам преимущества, и я очень рад, что всё сложилось из-за моей любви джазу и что нас приходят слушать те, кто любит джаз. Резюмируя: я не считаю, что мы занимаемся особым искусством. Мы занимаемся развитием джаз-бэнда, в котором могут играть разные люди, которые этого хотят и у которых при этом есть какие-то особенности, и если в связи с этими особенностями возникают проблемы, то мы помогаем их решать.

Какое отношение Moonberry Jam имеет к арт-терапии?

Такая вечная тема, что это — арт-терапия? Арт-терапия — это когда с помощью музыки решают те или иные психолого-педагогические задачи. И у нас в ЦЛП есть своя школа музыкальных занятий — не музыкальная терапия в узком смысле, но довольно мощная: там сильная нейропсихологическая база, можно решать эмоциональные проблемы. Я же в ЦЛП пришел как человек, который любит музыку (вообще я психолог по образованию). Я видел, что иногда приходят очень музыкальные дети и подростки, и у меня зрела идея ансамбля. И с моей точки зрения, наша работа не есть арт-терапия. Да, мы используем арт-терапию — как и все наши

психолого-педагогические компетенции — для решения каких-то задач в рамках достижения нашей основной цели (например, чтобы установить с некоторыми участниками контакт). Но наша цель — быть развивающейся музыкальной группой. Это всё-таки очень важно.

Сепарация взрослых людей с особенностями развития от семьи

Ну и последний пункт — он, пожалуй, самый болезненный. Мы много об этом думаем. Нас в ансамбле сейчас 14 человек; за годы его существования кто-то приходил, кто-то уходил... соотношение примерно получается 7 на 7. Почему участники иногда от нас уходят? С моей точки зрения — потому, что наступает момент, когда уже нужно делать следующий шаг, чтобы сепарироваться от семьи и двигаться в сторону большей самостоятельности; и в этот момент люди выбирают сепарироваться от также и от нас. Сейчас нет

возможности поговорить об этом подробно — скажу лишь, что это бывает очень непросто. Потому что всё равно есть внутри ощущение «ну как же так?!»: вот этому человеку так нужна социализация и здесь есть для этого возможности — а принимается решение, что он уходит. Порой это бывает парадоксально: потрясающий концерт, видны успехи человека в игре на его инструменте, родители приходят и говорят, как всё здорово... а потом вдруг: ой, вы знаете, хотим отдать его в монастырь. Но почему?! — ну как «почему», потому что мы волнуемся, потому что мы стареем, а музыкой он себя не прокормит. Когда такое происходит, это бывает действительно больно. Но тогда мы стараемся думать, что с этим можно сделать, и помнить, что у многих наших участников, как и у людей вообще, сложные отношения с их родителями. Бывает очень плотная связь, своего рода болезненное соединение, и это понятно, но проблема остается и необходимо искать пути ее решения.

Даунсайнд